

Принцип Государства

предположительно 1871, опубликовано в 1896, источник: [здесь](#). Скорее всего под инициалом N скрывается Макс Неттлау, именно таким под инициалом он подписывался и под другими предисловиями к работам Бакунина. Данная рукопись представляет собой в оригинале 36-страничный текст. Название рукописи не совсем совпадает с основным содержанием, которое посвящено разбору религиозных предрассудков. Возможно, это произошло с текстом в силу того, что именно в религиозной тематике Бакунин видел корень централизованных и бесчеловечных культов. Если бы Бакунин закончил рукопись, мы бы скорее всего увидели бы разбор собственно "Принципа Государства".

Неизданная рукопись Михаила Бакунина

Принцип Государства

Предисловие

Мы знаем, что Бакунин, всегда готовый отдать всю свою деятельность в распоряжение насущного и неотложного дела, по этой и другим причинам не смог опубликовать и даже разработать в полном объеме все свои политические и социальные идеи. (См. предисловие к сборнику «Œuvres», опубликованному в Париже в 1895 г.) Поэтому мы должны восстановить оставленные им труды и фрагменты теории: Антитеологизм, Бог и государство и т. д. Здесь же находится рукопись, которую мы публикуем: Le Principe de l'État (36-страничная рукопись – остальная часть отсутствует - in-4o, написанная очень быстрым почерком, вероятно, в 1871 году). Возможно, она задумывалась как краткое изложение идей о государстве, но эта тема не может быть рассмотрена без исследования происхождения религиозных идей, и на середине разбора христианства то, что, по-видимому, сохранилось от рукописи (36 страниц), заканчивается; в дальнейшем автор будет заниматься «политическими и юридическими фикциями, обе из которых, кроме того, являются лишь последствиями или трансформациями религиозных фикций» (с. 27 рукописи), что объясняет компоновку и расположение темы.

В этом фрагменте содержится множество аргументов, выводов и т. д., с которыми мы знакомы по другим работам Бакунина: это связано с тем, что, поскольку большинство из этих работ не было опубликовано при его жизни, он, очевидно, был волен использовать их в новых работах. Однако Бакунин до сих пор так мало известен и слишком много знает о себе, что ему нужен был повод, чтобы опубликовать какую-то неопубликованную часть своих работ.

N [Неттлау]

Октябрь 1896 г.

La Société nouvelle, année 12, tome 2, 1896 (p. 577-595).

Неопубликованная рукопись Михаила Бакунина.

Принцип Государства

О исторической природе государства

В сущности, завоевание – это не только исток, но и высшая цель всех государств, больших или малых, сильных или слабых, деспотических или либеральных, монархических, аристократических, демократических и даже социалистических, если только идеал немецких социалистов – великое коммунистическое государство – когда-нибудь будет реализован.

То, что оно было отправной точкой всех государств, древних и современных, ни у кого не вызывает сомнения, поскольку каждая страница мировой истории достаточно убедительно доказывает это. Никто не будет спорить и с тем, что великие государства современности имеют своей целью, более или менее открыто, завоевание. Но скажут, что средние и особенно малые государства думают только о самозащите, и мечтать о завоеваниях для них просто смешно.

Нелепость, как хотите, но тем не менее это их мечта, так же как мечта самого мелкого крестьянина – округлиться за счет своего соседа; округлиться, расшириться, завоевать любой ценой и всегда, это тенденция, фатально присущая любому государству, независимо от его протяженности, его слабости или силы, потому что это необходимость его природы. Что такое государство, как не организация власти; но в природе всякой власти заложено, что она не может терпеть ни превосходящего, ни равного, – власть не имеет иной цели, кроме господства, а господство реально только тогда, когда все, что ей мешает, подчиняется ей; ни одна власть не терпит другую иначе, как когда она вынуждена это делать, то есть когда она чувствует себя бессильной уничтожить или свергнуть ее. Сам факт равенства сил отрицает его принцип и является вечной угрозой его существованию, ибо он является проявлением и доказательством его бессилия. Следовательно, между всеми государствами, существующими бок о бок, война постоянна, а их мир – лишь перемирие.

Природа государства такова, что оно является абсолютным объектом как для себя, так и для всех своих подданных. Служить его процветанию, его величию, его силе – высшая добродетель патриотизма. Государство не признает ничего другого; все, что служит его интересам, – благо; все, что противоречит его интересам, объявляется преступным.

Вот почему политическая мораль всегда была не только чужда человеческой морали, но и абсолютно ей противоречила. Это противоречие является необходимым следствием ее принципа: государство, будучи лишь частью, выставляет и навязывает себя как целое; оно игнорирует права всего, что находится вне его, а когда может сделать это без опасности для себя, то нарушает их. – Государство – это отрицание человечности.

Являются ли права человека и человеческая мораль абсолютными? В наше время и в связи со всем тем, что происходит и делается сегодня в Европе, мы вынуждены задаться этим вопросом.

Прежде всего, существует ли абсолют, и не является ли все в мире относительным? Так и с моралью и законом: то, что раньше называлось законом, сегодня таковым не является, а то, что кажется моральным в Китае, не может считаться таковым в Европе. С этой точки зрения, каждую страну и каждую эпоху следует оценивать только с точки зрения современных или местных мнений, и не существует ни универсального человеческого права, ни абсолютной человеческой морали.

Таким образом, мечтая о том и другом, когда мы были метафизиками или христианами, а теперь позитивистами, мы должны отказаться от этой великолепной мечты и вернуться к моральной узости античности, которая игнорировала даже само имя человечества, вплоть до того, что все боги были исключительно национальными богами, доступными только для привилегированных культов.

Но теперь, когда небеса опустели и все боги, включая, разумеется, Иегову иудеев, Аллаха магометан и доброго Бога христиан, свергнуты, до этого осталось совсем немного: Мы вернемся к грубому и жестокому материализму Бисмарков, Тьеров и Фридрихов II, согласно которому Бог всегда был на стороне больших батальонов, как превосходно выразился последний; единственным объектом, достойным поклонения, принципом всей морали, всего права была бы сила; это и есть истинная религия государства.

Ну, нет! Какими бы атеистами мы ни были, и именно потому, что мы атеисты, мы признаем абсолютную человеческую мораль и абсолютное человеческое право. Но нам нужно договориться о значении слова «абсолют». Мы не можем представить себе универсальный абсолют, охватывающий бесконечную совокупность миров и существ, потому что мы не только не способны воспринять его нашими органами чувств, но даже не можем его вообразить. Любая попытка сделать это приведет нас обратно в пустоту абсолютной абстракции, столь любимой метафизиками.

Абсолют, который мы понимаем, – это очень относительный абсолют, и, в частности, тот, который относится исключительно к человеческому роду. Человеческий вид далеко не вечен: родившись на земле, он умрет вместе с ней, а может быть, и раньше нее, уступив место, согласно системе Дарвина, более могущественному, более полному, более совершенному виду. Но пока он существует, ему присущ принцип, который делает его именно тем, что он есть: именно этот принцип составляет по отношению к нему абсолют. Давайте посмотрим, что это за принцип.

Из всех существ, живущих на земле, человек является одновременно и самым социальным, и самым индивидуалистичным. Он также, без сомнения, самый умный. Возможно, есть животные, которые еще более социальные, чем человек, например пчелы и муравьи, но им настолько не хватает индивидуализма, что индивиды, принадлежащие к этим видам, полностью поглощены ими, как бы аннигилированы в их обществе: они все для группы, ничего или почти ничего для себя. По-видимому, существует природный закон, согласно

которому чем выше вид животных в шкале существ, тем более совершенную организацию, свободу и индивидуальность он оставляет каждому из своих сородичей. Свирепые животные, которые, несомненно, занимают высший ранг, индивидуалистичны в высшей степени.

Человек, по преимуществу, свирепое животное, – самый индивидуалистичный из всех. Но в то же время, и это одна из его отличительных черт, он в высшей степени, инстинктивно и фатально социалистичен. Это настолько верно, что тот самый интеллект, который делает его настолько выше всех живых существ и делает его, в некотором роде, хозяином их всех, может развиваться и стать самосознательным только в обществе и с помощью всего сообщества.

И действительно, мы знаем, что мыслить без слов невозможно; вне или до речи, несомненно, могут существовать представления или образы вещей, но не мысли. Мысль видит и развивается только с помощью речи. Поэтому мыслить – значит мысленно разговаривать с самим собой. Но любой разговор предполагает наличие по крайней мере двух людей, один из которых – вы; кто же другой? Это весь человеческий мир, который вы знаете.

Человек, как индивидуальное животное, как и животные всех других видов, обладает непосредственным чувством своего индивидуального существования с того момента, как он начинает дышать; но отраженное сознание себя, сознание, составляющее его личность, он приобретает только с помощью интеллекта, и, следовательно, только в обществе. Ваша самая интимная личность, сознание, которое вы имеете о себе в своей глубине, есть в некотором смысле не что иное, как отражение вашего собственного образа, отраженного к вам, как в многочисленных зеркалах, коллективным и индивидуальным сознанием всех человеческих существ, составляющих ваш социальный мир. Каждый человек, которого вы знаете и с которым вы вступаете в контакт, прямо или косвенно, в большей или меньшей степени определяет вашу внутреннюю сущность, вносит свой вклад в то, чтобы сделать вас тем, кто вы есть, сформировать вашу личность. Следовательно, если вас окружают рабы, даже если вы их хозяин, вы не менее раб, поскольку совесть рабов может лишь отражать ваш порочный образ. Пороки вашего социального окружения – это ваши пороки, и вы не можете быть по-настоящему свободным человеком, если вас не окружают такие же свободные люди, поскольку достаточно существования одного раба, чтобы умалить вашу свободу. В бессмертной Декларации прав человека, принятой Национальным конвентом, мы находим четкое выражение этой возвышенной истины: рабство одного человека – это рабство всех.

В ней содержится вся человеческая мораль, именно то, что мы называли абсолютной моралью, абсолютной, несомненно, только по отношению к человечеству, но не по отношению к остальным существам и тем более не по отношению к бесконечной совокупности миров, вечно нам неизвестных. Мы находим его в зародыше, в большей или меньшей степени, во всех системах морали, которые возникли в истории и в которых он был как бы скрытым светом, светом, который проявлялся, чаще всего, только в отражениях, столь же неопределенных, сколь и несовершенных. Все, что мы видим абсолютно правдивого, то есть человеческого, принадлежит только ей. Да и как может быть иначе,

ведь все системы морали, последовательно развивавшиеся в прошлом, равно как и все другие достижения человека, включая теологические и метафизические, никогда не имели иного источника, кроме человеческой природы, были лишь ее более или менее несовершенными проявлениями. Но этот моральный закон, который мы называем абсолютным, – что это такое, как не самое чистое, самое полное, самое адекватное выражение, как сказали бы метафизики, этой самой человеческой природы, по сути социалистической и индивидуалистической одновременно.

Главный недостаток моральных систем, которым учили в прошлом, заключается в том, что они были либо исключительно социалистическими, либо исключительно индивидуалистическими. Так, гражданская мораль, переданная нам греками и римлянами, была исключительно социалистической моралью, в том смысле, что она всегда приносила индивидуальность в жертву коллективности: не говоря уже о мириадах рабов, составлявших всю основу античной цивилизации, считавших себя только вещами, индивидуальность самого греческого или римского гражданина всегда патриотически истреблялась в пользу коллективности, созданной как государство. И когда граждане, устав от этого постоянного сожжения, отказались приносить жертву, рухнули сначала греческие, а затем и римские республики. Пробуждение индивидуализма стало смертью античности.

Она нашла свое самое чистое и полное выражение в монотеистических религиях, в иудаизме, магометанстве и, прежде всего, в христианстве. Иегова иудеев по-прежнему обращается к коллективу, по крайней мере в некоторых отношениях, поскольку у него есть избранный народ, хотя в нем уже содержатся все зачатки исключительно индивидуалистической морали.

Так и должно было быть: боги греческой и римской античности были, в конечном счете, не более чем символами, верховными представителями разделенного сообщества, государства. Поклоняясь им, мы поклонялись государству, и вся мораль, которая преподавалась от их имени, не могла иметь иной цели, кроме спасения, величия и славы государства.

Иудейский бог, ревнивый, самовлюбленный и тщеславный деспот, если таковой вообще существовал, старался не отождествлять, а лишь смешивать свою ужасную личность с обществом избранного им народа, избранного для того, чтобы служить ему как любимая ступенька, но не осмеливаться подняться до него. Между ним и его народом всегда была пропасть. Более того, не признавая иного объекта поклонения, кроме себя, он не мог терпеть культ государства. Поэтому евреи, как коллективно, так и индивидуально, всегда требовали жертв только для себя, никогда – для своей общины или во имя величия и славы государства.

Более того, заповеди Иеговы, переданные нам в Декалоге, адресованы почти исключительно человеку: исключения составляют лишь те, исполнение которых, не под силу одному человеку, требует сотрудничества всех: Например, столь необычайно человеческая заповедь, предписывающая евреям истреблять до последнего, включая женщин и детей, всех язычников, которых они найдут в земле обетованной, – заповедь, поистине достойная Отца нашей святой христианской Троицы, отличающегося, как мы знаем, своей безмерной любовью к этому несчастному человеческому роду.

Все остальные заповеди обращены только к человеку: не убивай (за исключением очень редких случаев, когда я сам прикажу это сделать, добавил он); не кради чужого имущества или жены (также рассматриваемой в некотором роде как имущество); уважай своих родителей. Но прежде всего ты будешь поклоняться мне, ревнивому, эгоистичному, тщеславному и ужасному богу, и, если не хочешь навлечь на себя мой гнев, будешь вечно петь мне дифирамбы и унижаться передо мной.

В магометанстве нет и тени того национального и ограниченного коллективизма, который господствовал в древних религиях и от которого до сих пор сохранились слабые остатки даже в иудаизме. Коран не знает избранного народа; все верующие, к какой бы нации или общине они ни принадлежали, являются индивидуальными, а не коллективными избранниками Бога. Халифы, преемники Мухаммеда, никогда не назывались иначе, как вождями верующих.

Но ни одна религия не завела культ индивидуализма так далеко, как христианская. Перед лицом угроз ада и абсолютно индивидуальных обещаний рая, сопровождаемых страшным заявлением о том, что из многих званых будут выбраны очень немногие, возникла всеобщая сумятица, своего рода «sauve-qui-peut» (беги-чтобы-выжить); своего рода гонка на колокольню, где каждый человек был стимулирован единственной заботой – спасением своей маленькой души. Легко понять, как такая религия могла и должна была дать отпор древней цивилизации, основанной исключительно на культе общины, родины и государства, и растворить все ее организмы, особенно в то время, когда она уже умирала от старости. Индивидуализм – это такой мощный растворитель! Доказательство этому мы видим в современном буржуазном мире.

По нашему мнению, т.е. с точки зрения человеческой морали, все монотеистические религии, но прежде всего христианская, как наиболее полная и последовательная из всех, являются фундаментально, по существу, принципиально безнравственными: создав своего Бога, они провозгласили деградацию всех людей, чьей солидарностью они восхищаются только в грехе; и, утверждая принцип исключительно индивидуального спасения, они отрицали и уничтожали, насколько это было в их силах, человеческий коллективизм, то есть сам принцип человечности.

Не странно ли, что христианство удостоилось чести создать идею человечности, в то время как оно, напротив, было самым полным и абсолютным ее отрицателем? Впрочем, в одном отношении оно могло бы претендовать на эту честь, но только в одном: оно внесло негативный вклад, мощно содействуя разрушению малых и ограниченных сообществ древности, ускоряя естественный упадок родин и городов, которые, став божественными в своих богах, стали препятствием для становления человечества; Но совершенно неверно утверждать, что христианство когда-либо имело мысль о создании человечества, или что оно когда-либо понимало или даже чувствовало то, что мы сегодня называем солидарностью человечества, человечество, которое является совершенно современной идеей, увидевшей свет в эпоху Возрождения, но понятой и сформулированной в ясной и четкой форме только в XVIII веке.

Христианство не имеет абсолютно ничего общего с человечеством по той простой причине, что его единственным объектом является божественность, а одно исключает другое. Идея человечности основана на роковой, естественной солидарности всех людей. Но христианство, как мы уже говорили, признает эту солидарность только в грехе и полностью отвергает ее в спасении, в правлении этого Бога, который из многих призванных дарует благодать лишь немногим избранным и который в своей восхитительной справедливости, движимый, без сомнения, той бесконечной любовью, которая его отличает, еще до рождения людей на этой земле обрек подавляющее большинство из них на вечные адские муки, и это для того, чтобы наказать их за грех, совершенный не ими самими, а их первыми предками, которые к тому же были вынуждены его совершить: это отрицание божественного провидения.

Это здравая логика и основа всей христианской морали. Какое отношение они имеют к человеческой логике и морали?

Было бы бесполезно пытаться доказать нам, что христианство действительно признает солидарность человечества, цитируя нам формулы из Евангелия, которые как бы предвещают наступление дня, когда будет только один пастырь и одна паства; показывать нам Римско-католическую церковь, непрерывно стремящуюся к достижению этой цели путем подчинения всего мира правительству Папы. Превращение всего человечества в стадо, равно как и осуществление, к счастью, невозможное, этой универсальной и божественной монархии, не имеют абсолютно никакого отношения к принципу человеческой солидарности, который один только и составляет то, что мы называем человечеством. В обществе, о котором мечтают христиане, нет и тени этой солидарности, в котором мы – ничто по милости людей, все по милости Бога, настоящее стадо разобщенных овец, которые не имеют и не должны иметь никаких непосредственных и естественных отношений друг с другом, настолько, что им даже запрещено объединяться для воспроизводства вида без разрешения или благословения своего пастыря, и только священник имеет право обвенчать их во имя этого бога, который является единственным законным связующим звеном между ними: Кроме него, христиане объединяются и могут объединяться только в нем. Без этой божественной санкции все человеческие отношения, даже семейные, являются частью общего проклятия, которое обрушивается на творение; нежность родителей, супругов и детей, дружба, основанная на взаимной симпатии и уважении, порицаются, Любовь и уважение к людям, страсть к истине, справедливости и добру, страсть к свободе и величайшая из всех страстей, которая включает в себя все остальные, страсть к человечеству – все они прокляты и могут быть восстановлены только благодатью Божьей. Все отношения между людьми должны быть освящены божественным вмешательством; но это вмешательство искажает, деморализует и разрушает их. Божественное убивает человеческое, и весь христианский культ состоит не в чем ином, как в этом вечном обездвиживании человеческого в честь божественного.

Пусть не возражают, что христианство велит детям любить родителей, родителям – детей, супругам – друг друга. Да, но оно повелевает им и не позволяет любить друг друга, не сразу, не естественно и не для себя, а только в Боге и из любви к Богу; оно допускает все эти нынешние отношения только при условии, что Бог будет третьей стороной, и эта страшная третья сторона убивает супругов. Божественная любовь уничтожает

человеческую. Христианство, правда, велит нам любить ближних так же, как себя, но в то же время оно велит нам любить Бога больше, чем себя, а следовательно, и больше, чем ближних, то есть принести ближних в жертву Богу ради спасения себя, потому что в конечном счете христиане обожают Бога только ради спасения своей души.

С учетом Бога все это имеет строгое следствие: Бог – бесконечный, абсолютный, вечный, всемогущий; человек – конечный, бессильный. По сравнению с Богом во всех отношениях человек – ничто. Только божественное справедливо, истинно, счастливо и хорошо, а все человеческое в человеке, следовательно, должно быть объявлено ложным, незаконным, отвратительным и жалким. Поэтому соприкосновение божественного с этим несчастным человечеством должно обязательно поглотить, изъесть и уничтожить все, что осталось в человеке человеческого.

Божественное вмешательство в дела человечества никогда не приводило к чрезмерно пагубным последствиям. Оно извращает все отношения между людьми и заменяет их естественную солидарность лицемерной и нездоровой практикой религиозных общин, где под видом благотворительности каждый заботится только о спасении собственной души, создавая под видом божественной любви чрезмерно утонченный человеческий эгоизм, полный нежности к себе и безразличия, злобы и даже жестокости к ближнему. Этим объясняется тесный союз, всегда существовавший между палачом и священником, союз, откровенно признанный знаменитым поборником ультрамонтанства Жозефом де Мейстром, чье красноречивое перо, обожествив Папу, не преминуло реабилитировать палача – один, по сути, был необходимым дополнением другого.

Но не только в католической церкви существует и проявляется эта чрезмерная нежность к палачу. Искренне религиозные и верующие священнослужители различных протестантских конфессий сегодня единодушно протестуют против отмены смертной казни. Так верно, что божественная любовь убивает человеческую любовь в сердцах, проникнутых ею; так верно и то, что все религиозные конфессии в целом, а христианство в особенности, никогда не имели иной цели, кроме принесения людей в жертву своим богам. И из всех божеств, упоминаемых в истории, разве хоть одно вызвало столько слез и столько кровопролития, как добрый Бог христиан, или до такой же степени извратило умы и сердца людей и все их отношения друг с другом?

Под этим пагубным влиянием дух затмился, и пылкий поиск истины превратился в самодовольный культ лжи; человеческое достоинство было унижено, человек (неразборчивое слово) стал предателем, доброта – жестокой, справедливость – незаконной, а человеколюбие превратилось в верующее презрение к людям; инстинкт свободы привел к установлению крепостного права, а инстинкт равенства – к утверждению самых чудовищных привилегий. Благотворительность, превратившись в разрушителя и гонителя, предписывала расправу над еретиками и кровавые оргии инквизиции; религиозного человека называли иезуитом, момье (глупым фанатиком) или пиетистом – отрекшись от человечности, он стремился к святости, – а святой под внешним видом человечности более (слово неразборчиво) лицемерил, и благотворительность скрывала гордость и безмерный эгоизм человеческого «я», абсолютно изолированного и любящего себя в своем Боге. Ибо не заблуждайтесь: то, что религиозный человек ищет прежде всего и что, по его мнению, он

находит в любимом им божестве, – это все еще он сам, но прославленный, наделенный всемогуществом и увековеченный. Поэтому слишком часто он черпает из него предлоги и инструменты для порабощения и эксплуатации человеческого мира.

Итак, это последнее слово в христианском поклонении; это возвеличивание эгоизма, который, порвав со всякой социальной солидарностью, любит себя в своем Боге и навязывает себя невежественной массе людей во имя этого Бога, то есть во имя своего человеческого эго, сознательно или неосознанно возвеличенного и обожествленного им самим. Именно поэтому религиозные люди обычно так свирепы: защищая своего Бога, они отстаивают свой эгоизм, свою гордыню и свое тщеславие.

Из всего этого следует, что христианство – это самое решительное и полное отрицание всякой солидарности между людьми, то есть общества, а следовательно, и морали, поскольку вне общества, как я полагаю, показал, остаются только религиозные отношения изолированного человека со своим Богом, то есть с самим собой.

Начиная с XVII века, современные метафизики пытались восстановить мораль, основывая ее не на Боге, а на человеке. К сожалению, повинувшись тенденциям своего века, они взяли за точку отсчета не реального, живого, социального человека, который является двойным продуктом природы и общества, а абстрактное Эго индивида, вне всех его природных и социальных связей, то самое Эго, которое обожествил христианский эгоизм и которому все церкви, как католические, так и протестантские, поклоняются как своему Богу.

Как появился единый Бог монотеистов? Путем необходимого уничтожения всех реальных, живых существ.

Чтобы объяснить, что мы имеем в виду, необходимо сказать несколько слов о религии. Мы хотели бы вообще не говорить о ней, но в наши дни невозможно заниматься политическими и социальными вопросами, не затрагивая религиозный вопрос.

Неверно утверждать, что религиозное чувство присуще только человеку: все основные элементы можно найти в животном мире, и главный из них – страх. «Страх Божий, – говорят богословы, – есть начало мудрости». А разве этот страх не встречается у животных в чрезмерно развитой форме, и разве не все животные постоянно испытывают страх? Все они испытывают инстинктивный ужас перед всемогущей природой, которая их производит, растит, кормит, правда, но в то же время раздавливает их, обволакивает со всех сторон, угрожает их существованию на каждом шагу и всегда в конце концов убивает их.

Поскольку животные всех других видов не обладают той способностью к абстракции и обобщению, которой наделен только человек, они не представляют себе совокупность существ, которую мы называем природой, но они чувствуют ее и боятся ее. Это и есть истинное начало религиозного чувства.

В нем нет недостатка даже в обожании. Не говоря уже о ликовании радости, которое испытывают все живые существа при восходе солнца, или об их столах при приближении одного из тех ужасных стихийных бедствий, которые уничтожают их тысячами, – рассмотрим, например, отношение собаки к своему хозяину. Не является ли это в точности

отношением человека к своему Богу?

Человек тоже не начинал с обобщения природных явлений и пришел к концепции природы как уникального существа только после многих веков нравственного развития.

Первобытный человек, дикарь, не очень отличающийся от гориллы, несомненно, очень долго разделял все инстинктивные ощущения и представления гориллы; лишь очень постепенно он начал делать их предметом своих размышлений, сначала обязательно детских, давать им названия и тем самым закреплять их в своем зарождающемся сознании.

Именно таким образом религиозное чувство, которое он испытывал по отношению к животным других видов, оформилось, стало постоянным представлением в нем и как бы началом идеи, оккультного существования существа, превосходящего и гораздо более могущественного, чем он, и, как правило, очень жестокого и очень злого, существа, которое его пугает, одним словом, его Бога.

Таков был первый Бог, правда, настолько примитивный, что дикарь, ищущий его повсюду, чтобы отгородиться от него, иногда верил, что его можно найти в куске дерева, чайном полотенце, кости или камне: это была эпоха фетишизма, пережитки которого можно найти и сегодня в католицизме.

Несомненно, дикарю потребовались столетия, чтобы перейти от культа неживых фетишей к культу живых фетишей и колдунов. Он добился этого путем долгих экспериментов и процесса исключения: не найдя в фетишах той страшной силы, которую он хотел приворожить, он стал искать ее в богочеловеке, колдуне.

Позднее, используя все тот же процесс элиминации (исключения) и не обращая внимания на колдуна, бессилие которого опыт окончательно доказал, дикарь поклонялся поочередно самым грандиозным и страшным явлениям природы: буре, грому, ветру, и, продолжая таким образом, от элиминации к элиминации, он в конце концов дошел до культа солнца и планет. Похоже, что честь создания этого культа принадлежит языческим народам.

Это уже был большой шаг вперед. Чем дальше божество, то есть сила, которая пугает, удалялась от человека, тем более респектабельной и грандиозной она казалась. Оставалось сделать лишь один важный шаг в окончательном становлении религиозного мира – прийти к поклонению невидимому божеству.

До этого сальто мортале, смертельного перехода от поклонения видимому к поклонению невидимому животные других видов могли лишь сопровождать своего младшего брата, человека, во всех его теологических экспериментах. Ведь они тоже по-своему поклоняются всем явлениям природы. Мы не знаем, как они относятся к другим планетам, но уверены, что Луна и особенно Солнце оказывают на них весьма заметное влияние. Но невидимое божество мог придумать только человек.

Но сам человек, какими средствами он смог обнаружить это невидимое существо, реальное существование которого ни один из его органов чувств, даже зрение, не помогли ему установить, и какими ухищрениями он смог распознать его природу и качества? И наконец, что представляет собой это якобы абсолютное существо, которое, по мнению человека, он

нашел над и вне всего сущего?

Этот процесс был не чем иным, как той хорошо известной операцией разума, которую мы называем абстрагированием или элиминацией, а конечным результатом этой операции может быть только абсолютная абстракция, ничто, небытие. И именно это небытие человек обожает как своего Бога.

Поднявшись духом над всем реальным и живым, включая собственное тело, абстрагировавшись от всего разумного или даже только видимого, включая небосвод со всеми его звездами, человек оказывается перед абсолютной пустотой, неопределенным, бесконечным небытием, без всякого содержания, как бы без всякого предела.

В этой пустоте дух человека, который произвел ее, устранив все вещи, неизбежно мог встретить себя только в состоянии абстрактной силы, которая, видя все уничтоженным и не имея ничего, что можно было бы устранить, отступает перед собой в абсолютном бездействии и которая, рассматривая себя в этом полном бездействии, которое кажется ей возвышенным, как существо, отличное от нее самой, выдает себя за своего собственного Бога и поклоняется себе.

Таким образом, Бог – это не что иное, как человеческое эго, ставшее абсолютно пустым благодаря абстракции и устранению всего реального и живого. Именно так представлял себе Бога Будда, чье религиозное откровение, безусловно, было самым глубоким, самым искренним и самым правдивым из всех религиозных откровений.

Только Будда не знал и не мог знать, что именно человеческий ум создал этого богорожденного. Только к концу прошлого века мы начали понимать это, и только в нашем веке, благодаря гораздо более глубокому изучению природы и работы человеческого ума, мы осознали это в полной мере.

Когда человеческий дух создал Бога, он сделал это с величайшей наивностью; ни о чем не подозревая, он был способен обожать себя в своем новорожденном боге.

Однако он не мог остановиться перед этим небытием, которое создал сам; он должен был наполнить его и спустить на землю, в живую реальность. Он сделал это с той же наивностью и самыми естественными и простыми средствами. Обожествовав свое собственное «я», достигшее состояния абстракции или абсолютной пустоты, он преклонил перед ним колени, поклонился ему и провозгласил его причиной и автором всех вещей; это было началом теологии.

Затем произошел полный, решительный, фатальный переворот, исторически неизбежный, несомненно, но в то же время чрезмерно катастрофический во всех человеческих представлениях.

Бог, абсолютное небытие, был провозглашен единственным живым существом, могущественным и реальным, а живой мир и, как необходимое следствие, природа, все вещи, действительно реальные и живые в той мере, в какой они сопоставимы с этим богом, были объявлены небытием. Это отличительная черта теологии – делать небытие реальным,

а реальность – небытием.

Всегда действуя с той же наивностью и без малейшего осознания того, что он делает, человек использовал очень изобретательное и в то же время очень естественное средство, чтобы заполнить пугающую пустоту своей божественности: он просто приписывал ей, преувеличивая их, однако, до чудовищных размеров, все действия, все силы, все качества и свойства, хорошие или плохие, полезные или вредные, которые он находил как в природе, так и в обществе. Таким образом, земля, разграбленная, обеднела в угоду небу, которое обогатилось за счет ее трофеев.

В результате чем богаче становились небеса, обитель божества, тем более жалкой становилась земля, и достаточно было поклониться чему-то одному на небесах, чтобы в этом нижнем мире реализовалась его противоположность. Это то, что мы называем религиозными вымыслами; каждому из этих вымыслов соответствует, как мы прекрасно знаем, какая-нибудь чудовищная реальность – так, небесная любовь никогда не имела иного эффекта, кроме земной ненависти, божественная доброта никогда не порождала ничего, кроме зла, а свобода Бога означала рабство здесь, внизу. Вскоре мы увидим, что то же самое относится ко всем политическим и правовым фикциям, которые являются лишь следствиями или трансформациями религиозных фикций.

Не сразу божество приняло этот абсолютно злой характер. В пантеистических религиях Востока, в поклонении браминов и жрецов Египта, а также в верованиях финикийцев и сирийцев божество уже было представлено в очень страшном свете. – Восток всегда был и в какой-то степени остается родиной деспотичного, сокрушительного и свирепого божества, отрицающего дух и человечность. Это также страна рабов, абсолютных монархов и каст.

В Греции божество было очеловечено – его таинственное единство, признаваемое на Востоке только жрецами, и его зверский и мрачный характер отошли на задний план эллинской мифологии – пантеизм сменился политеизмом. Олимп, образ федерации греческих городов, – это своего рода республика, очень слабо управляемая отцом богов Юпитером, который сам подчиняется велениям судьбы.

Судьба безлична, это сама судьба, непреодолимая сила вещей, перед которой должно склониться все – и люди, и боги. Более того, ни один из этих богов, созданных поэтами, не является абсолютным; каждый из них представляет лишь одну сторону, одну часть человека или природы в целом, не переставая быть конкретными, живыми существами. Они дополняют друг друга и образуют очень живое, очень изящное и, прежде всего, очень человеческое целое.

В этой религии не было ничего мрачного, ее теологию придумали поэты, каждый из которых свободно добавлял нового бога или богиню в соответствии с потребностями греческих городов, каждый из которых дорожил честью иметь собственное божество-покровителя, представителя своего коллективного духа. Это была религия не отдельных людей, а коллективных граждан стольких ограниченных и (первая часть неразборчивого слова) ...эмент свободных земель, связанных между собой более или менее своеобразной федерацией, очень несовершенно организованной и очень (неразборчивое слово).

Из всех религиозных культов, которые демонстрирует нам история, это был, безусловно, наименее теологический, наименее серьезный, наименее божественный, а потому наименее вредный, тот, который меньше всего препятствовал свободному развитию человеческого общества. – Множественность богов, более или менее равных по силе, была гарантией от абсолютизма; преследуемый одними, человек мог искать защиты у других, а вред, причиняемый одним богом, компенсировался благом, приносимым другим. Таким образом, в греческой мифологии не было такого противоречия, как логически, так и морально чудовищного, как добро и зло, красота и уродство, доброта и зло, ненависть и любовь, сосредоточенные в одном и том же человеке, как это неизбежно происходит в боге монотеизма.

Мы находим это чудовище активным в боге иудеев и христиан. Это было необходимым следствием божественного единства; и действительно, как только это единство было принято, как можно было объяснить сосуществование добра и зла? Древние персы, по крайней мере, представляли себе двух богов: одного – Света и Добра, Ормузда; другого – Зла и Тьмы, Аримана; поэтому было естественно, что они должны бороться друг с другом, как зло и добро борются и побеждают по очереди в природе и в обществе. Но как объяснить, что один и тот же Бог, всемогущий, обладающий истиной, любовью и красотой, мог породить зло, ненависть, уродство и ложь?

Чтобы разрешить это противоречие, иудейские и христианские богословы прибегали к самым отвратительным и безумным изобретениям. Во-первых, они приписывали все зло Сатане. Но откуда взялся сатана? Разве он, как и Ариман, равен Богу? Вовсе нет; как и все остальное творение, он – дело рук Божьих. Значит, именно Бог создал зло. Нет, говорят богословы, сначала Сатана был ангелом света, и только после восстания против Бога он стал ангелом тьмы. Но если бунт является злом – что весьма сомнительно, и мы, напротив, считаем его благом, поскольку без него никогда не было бы социальной эмансипации, – если он представляет собой преступление, то кто создал возможность этого зла? Несомненно, Бог, – ответят те же богословы, – но он сделал зло возможным только для того, чтобы дать ангелам и людям свободу воли, а что такое свобода воли? Это способность выбирать между добром и злом и спонтанно принимать решение либо в пользу одного, либо в пользу другого. Но чтобы ангелы и люди могли выбирать зло, чтобы они могли принимать решения в пользу зла, зло должно было существовать независимо от них, а кто мог дать ему такое существование, если не Бог?

Поэтому, утверждают богословы, после падения Сатаны, которое предшествовало падению человека, Бог, несомненно просвещенный этим опытом, не желая, чтобы другие ангелы последовали роковому примеру Сатаны, лишил их свободы воли, оставив им только способность к добру, так что отныне они обязательно добродетельны и уже не представляют себе иного счастья, кроме вечного служения в качестве слуг этого ужасного повелителя.

Однако, похоже, Бог не был достаточно просвещен своим первым опытом, поскольку после грехопадения Сатаны он создал человека и по слепоте или злобе не преминул наделить его этим роковым даром свободы воли, который потерял Сатана и должен был потерять и он.

Грехопадение человека, как и грехопадение сатаны, было фатальным, поскольку оно было предрешено отныне и вовеки веков Божественным предвидением. Более того, не возвращаясь так далеко назад, мы позволим себе заметить, что простой опыт честного семьянина должен был помешать доброму Господу подвергнуть этих несчастных первых людей знаменитому искушению. Самый простой отец прекрасно знает, что достаточно запретить детям прикасаться к чему-то, чтобы непобедимый инстинкт любопытства заставил их непременно это потрогать. Поэтому, если он любит детей и действительно справедлив и добр, он избавит их от этого испытания, которое столь же бесполезно, сколь и жестоко.

У Бога не было ни этой причины, ни этой доброты, ни этого (неразборчивое слово), и, хотя он заранее знал, что Адам и Ева поддадутся искушению, как только они совершили эту ошибку, он позволил себе разразиться поистине божественной яростью. Не ограничившись проклятием несчастных ослушников, он проклял всех их потомков до конца времен, обрекая на адские муки миллиарды людей, которые, очевидно, были невиновны, поскольку даже не родились в момент совершения греха. Не удовлетворившись проклятием людей, он проклял вместе с ними всю природу, свое собственное творение, которое он сам счел столь хорошо сделанным.

Если бы отец поступил так же, разве его не объявили бы сумасшедшим? Как же тогда богословы осмелились приписать своему Богу то, что они сочли бы абсурдным, жестоким, (слово неразборчиво), ненормальным со стороны человека. О, им нужен был этот абсурд! Как бы они тогда объяснили существование зла в этом мире, который должен был выйти совершенным из рук столь совершенного творца, в этом мире, созданном самим Богом?

Но как только грехопадение человека принимается, все трудности сглаживаются и объясняются. Или так они утверждают. Природа, совершенная вначале, внезапно становится несовершенной, вся машина выходит из строя; первобытная гармония сменяется беспорядочным столкновением сил; мир, царивший вначале между всеми видами животных, уступает место ужасающей резне и взаимному пожиранию; и человек, царь природы, превосходит ее в свирепости. Земля становится долиной крови и слез, и закон Дарвина – безжалостная борьба за существование – торжествует в природе и обществе. Зло одолевает добро, сатана душит Бога.

И тем не менее такую чушь, такую нелепую, отвратительную, чудовищную басню великие доктора теологии серьезно повторяли на протяжении более чем пятнадцати веков и продолжают повторять до сих пор; более того, ее официально, в обязательном порядке преподают в каждой школе Европы. Так что же мы должны думать о человеческой расе после всего этого? И разве не тысячу раз правы те, кто утверждает, что даже сегодня мы предаем свое очень близкое родство с гориллой?

Но на этом дух (неразборчивое слово) христианских богословов не заканчивается. В грехопадении человека и его катастрофических последствиях как для его природы, так и для него самого, они преклонялись перед проявлением божественной справедливости. Затем они вспомнили, что Бог – это не только справедливость, но и абсолютная любовь, и чтобы примирить одно с другим, вот что они придумали:

Оставив бедное человечество на несколько тысяч лет под властью своего ужасного проклятия, которое обрекало несколько миллиардов людей на вечные муки, он почувствовал, как в его груди пробуждается любовь, и что же он сделал? Забрал ли он замученных несчастных из ада? Нет, ни в коем случае; это противоречило бы его вечной справедливости. Но у него был единственный сын; как и почему он его родил – одна из тех глубоких тайн, которые богословы, давшие его, объявляют непроницаемыми, что, естественно, является удобным способом выпутаться из беды и разрешить все трудности. Итак, любящий Отец в своей высшей мудрости решает послать на землю своего единственного сына, чтобы тот погиб за человечество, но не для того, чтобы спасти прошлые поколения, и даже не для будущих, а, как гласит само Евангелие, и как ежедневно повторяют и католическая, и протестантская церкви, чтобы спасти лишь очень небольшое число избранных.

И теперь карьера открыта, это, как мы уже говорили, своего рода гонка на колыбель, *sauve-qui-peut*, тому, кто сможет спасти свою душу. Католики и протестанты расходятся в этом вопросе: первые утверждают, что попасть в рай можно только с особого разрешения Святого Отца, Папы Римского; протестанты, со своей стороны, утверждают, что только непосредственная и прямая благодать доброго Господа открывает врата. Этот серьезный спор продолжается и по сей день; мы не будем в него вмешиваться.

Давайте подытожим христианскую доктрину в нескольких словах:

Бог есть: абсолютное, вечное, бесконечное, всемогущее Существо, он – всеведение, истина, справедливость, красота и счастье, абсолютная любовь и добро. В нем все бесконечно велико, вне его – Небытие. В конце концов, он – само Бытие, единственное Бытие.

Но теперь из Пустоты – которая, таким образом, кажется, существовала отдельно от него, что подразумевает противоречие и абсурд, поскольку Бог существует везде, заполняя своим существом бесконечное пространство, и ничто, даже Пустота, не может существовать отдельно от него, что заставляет нас поверить, что Пустота, о которой говорит Библия, была в Боге, то есть что само божественное Существо было Пустотой, – из этой Пустоты Бог создал мир.

Здесь возникает вопрос. Совершилось ли творение от вечности или в определенный момент вечности? В первом случае оно вечно, как и сам Бог, и не могло быть создано ни Богом, ни кем-либо другим, ибо идея творения подразумевает приоритет творца над творением. Как и все теологические идеи, идея творения – это очень человеческая идея, взятая из практики человеческого общества. Так, часовщик создает часы, архитектор – дом и так далее. Во всех этих случаях производитель, создавая (?) продукт, существует, вне продукта, и именно это, по сути, составляет несовершенство, относительный и, так сказать, зависимый характер как производителя, так и продукта.

Но теология, как это всегда бывает, взяла эту всечеловеческую идею и факт производства и, применив ее к своему Богу, расширив ее до бесконечности и тем самым выведя ее из естественных пропорций, превратила ее в фантазию столь же чудовищную, сколь и абсурдную.

Поэтому, если творение вечно, оно не является творением. Мир не был создан Богом, и, следовательно, его существование и развитие не зависят от него – вечность мира есть отрицание самого Бога, а Бог по сути своей является Творцом.

Значит, мир больше не вечен – в вечности было время, когда его не существовало. Значит, прошла целая вечность, в течение которой Бог, абсолютный, всемогущий, бесконечный Бог, не был творцом, или был творцом только в силе, а не на самом деле.

Почему Он не был им? Был ли это каприз с Его стороны, или Ему нужно было развиваться, чтобы достичь силы творить?

Это непостижимые тайны, говорят богословы. Мы отвечаем: «Это абсурд, придуманный вами самими. Сначала вы придумываете абсурд, а затем навязываете его нам как божественную тайну, непостижимую и тем более глубокую, что она абсурдна.

Это всегда один и тот же процесс: *Credo quia absurdum*, верую, ибо абсурдно.

Другой вопрос: было ли творение, вышедшее из рук Бога, совершенным? Если нет, то оно не могло быть Божьим творением, ибо о работнике, как сказано в Евангелии, судят по степени совершенства его работы. Несовершенное творение обязательно подразумевает несовершенного Творца. Значит, творение было совершенным.

Но если это так, то оно не могло быть создано никем, потому что идея абсолютного совершенства исключает всякую зависимость или даже взаимосвязь. Ничто не может существовать отдельно от него. Если мир совершенен, то Бог не может существовать.

Сотворение, ответят богословы, конечно, было совершенным, но только по отношению ко всему, что может произвести природа или человек, а не по отношению к Богу. Несомненно, оно было совершенным, но не совершенным, как Бог.

Мы снова ответим, что идея совершенства не допускает степеней, так же как идея бесконечного или абсолютного не допускает степеней. Не может быть ни больше, ни меньше. Совершенство едино. Так что, если творение было менее совершенным, чем Творец, оно было несовершенным. И тогда мы вернемся к утверждению, что Бог, творец несовершенного мира, является лишь несовершенным творцом, что снова будет отрицанием Бога.

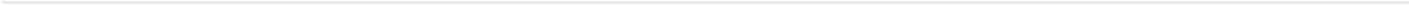
Мы видим, что во всех отношениях существование Бога несовместимо с существованием мира. Если мир существует, то Бог существовать не может. Идем дальше.

Итак, этот совершенный Бог создает более или менее несовершенный мир. Он создает его в определенный момент вечности, по своей прихоти и, несомненно, чтобы успокоить свое величественное одиночество. Иначе зачем бы он его создал? Непостижимые тайны, взывают богословы. Непостижимая чепуха, отвечаем мы.

Но Библия сама объясняет причины творения. Бог – существо по сути своей тщеславное; он создал небо и землю, чтобы им поклонялись и восхваляли их. Другие утверждают, что

творение было следствием Его безграничной любви. – Для чего? Для мира, для существ, которых раньше не существовало или которые существовали только в его воображении, иными словами, всегда для него.

Конец 36-й страницы рукописи; остальные найти не удалось).

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 21 июня 2025 22:37:57
■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 июня 2025 22:40:05